

УДК 811.161.1
DOI 10.52452/19931778_2021_6_205

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОЙ УСТНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

© 2021 г.

А.А. Загороднюк

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

st033106@student.spbu.ru

Поступила в редакцию 24.08.2021

На материале данных Национального корпуса русского языка рассматривается функционирование деепричастных конструкций в русской устно-разговорной речи. Анализируются способы выражения таксиса в устно-разговорной речи при помощи деепричастий и деепричастных оборотов. На основании анализа деепричастных конструкций с добавочными значениями обусловленности делается вывод об их появлении в устно-разговорной речи вследствие влияния дискурсов книжно-письменной речи. Прослеживается связь между употреблением деепричастных конструкций и монологической формой устно-разговорного высказывания. Автоматизм употребления деепричастных конструкций в устно-разговорной речи рассматривается в связи с высоким уровнем речевой способности говорящего.

Ключевые слова: деепричастные конструкции, деепричастия, деепричастный оборот, таксис, устно-разговорная речь, книжно-письменная речь, интердискурсивность.

Введение

В современных отечественных лингвистических исследованиях поднимается вопрос о связи грамматики и дискурса [1], о роли дискурсивного анализа в изучении грамматических категорий [2], наконец, о грамматике дискурса как отдельном явлении [3]. При этом функционирование отдельных грамматических явлений рассматривается в рамках конкретных дискурсов, для которых данные языковые формы типичны, и реже – в контексте иных дискурсов в рамках дискурсивного взаимодействия. Так, ряд грамматических явлений, традиционно приписываемых книжно-письменному дискурсу, обнаруживается в сфере дискурса, противопоставленного ему, то есть в устно-разговорной речи. К данным явлениям в русском языке, в частности, относятся конструкции с деепричастиями: как отдельные деепричастия, так и деепричастные обороты.

Обозначение вторичного действия при помощи деепричастия или деепричастного оборота традиционно относят к грамматическим явлениям книжно-письменного характера [4–6]. Подобная характеристика деепричастий закрепились и в учебно-методической литературе, посвященной культуре русской речи [7–9]. В то же время употребление конструкций с деепричастиями наблюдается также в устно-разговорной речи. Так, в [10] анализ спонтанной устной речи юристов продемонстрировал использование конструкций с причастиями и деепричастиями в связи с уровнем развития речевой компетенции говорящего, а также с уче-

том влияния профессиональной речи на обиходную речь информантов. Тем не менее речевой опыт представителей других профессиональных групп в данном аспекте еще не был исследован.

Грамматическая функция деепричастий в русском языке заключается в выражении зависимого таксиса – «временного отношения между действиями, из которых одно является основным, а второе второстепенным (сопутствующим)» [11, с. 239]. Таксис деепричастных конструкций включает в себя отношения одновременности, разновременности (предшествования, следования), конкретизации (второстепенное действие характеризует протекание основного действия), а также ряд отношений обусловленности – причины, уступки, цели, условия, следствия [12]. Деепричастные лексемы, утратившие функцию выражения таксиса в предложении, переходят в состав других частей речи: наречий (*лежа, сидя*), союзов (*несмотря на то, что*), предлогов (*благодаря*), модальных слов (*говоря*) [13–15].

Определение конструкций с деепричастиями в качестве основного способа выражения таксиса в русском языке, «морфологизированного таксиса» [16], с одной стороны, и указание на их стилистическую закреплённость за книжно-письменной сферой, с другой, ставит вопрос о том, какие грамматические средства оформляют таксис устно-разговорного высказывания, а также возможно ли деепричастное оформление устно-разговорного таксиса. Данное исследование посвящено выявлению собственно лингви-

стических, коммуникативных, а также возможных экстралингвистических причин употребления деепричастий и деепричастных оборотов в устно-разговорной речи.

Предикативность устно-разговорной речи, как правило, рассматривается отдельно от конструкций книжно-письменной речи, несмотря на сохраняющуюся «возможность сопоставлений и вариантов, сохраняющих таксисные предикативные характеристики» [16, с. 223]. Отдельные виды полипредикативных комплексов в устно-разговорной речи были рассмотрены и подробно описаны О.А. Лаптевой [17]. В частности, к данным комплексам относятся отдельные модификации конструкций наложения (*– Ты почему никуда не уходила? – Сидела дома работала*), а также бессоюзные подчинительные конструкции (*Не было никаких других я эти купил*) и дупредикативные конструкции с фиксированной лексемой *кто* (*Проходите кто на банки*). Особенность перечисленных конструкций состоит в том, что, помимо временных отношений они способны выражать дополнительные значения обусловленности, причины, цели (ср. *Её видно прохватило здоровые-то морозы были и вот водим на прогреванья*) [17].

Следует отметить, что синтаксические построения в области полипредикативности не исчерпываются представленными выше. Так, устно-разговорный таксис в целом, согласно О.А. Лаптевой, представляет собой совокупность моделей в составе полей общелитературного таксиса и собственно разговорного таксиса [17, с. 128]. Исследователь отмечает, что «на употребление книжно-письменных средств в устно-разговорной речи существует ограничение: такое употребление должно быть оправдано тематически (а также большой степенью серьезности отношения к этой теме со стороны говорящего)» [18, с. 93]. Таким образом, система устно-разговорной речи имеет свою специфику в выражении отдельных грамматических категорий, в частности таксиса, но при этом не исключает использования книжно-письменных языковых средств.

Для анализа функционирования деепричастных оборотов в русской устно-разговорной речи из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) было отобрано 250 контекстов, демонстрирующих употребление деепричастных оборотов в ситуациях непубличного общения.

Деепричастные конструкции в устно-разговорной речи как средство выражения таксиса

По отношению к основному предикату русские конструкции с деепричастиями способны

выражать таксисные отношения одновременно и разновременности в зависимости от вида глагола, формой которого они являются. Наиболее явно данные отношения проявляются при употреблении деепричастных оборотов. Так, в устно-разговорной речи так же, как и в книжно-письменной, деепричастия несовершенного вида и деепричастия совершенного вида с результативным значением способны выражать такие ситуации одновременности, как одновременность процессов (1), одновременность второстепенного процесса и основного целостного факта (2), одновременность второстепенного результативного состояния субъекта и основного процесса (3). В скобках здесь и далее приведены номера примеров.

(1) [Оля, жен] *Страшней всего было/ когда эта камера неслась/ обозревая зал.* [Эмиль, муж] *С такой скоростью она летит.* [Оля, жен] *С такой скоростью/ что казалось щас она оторвется и просто [свистит] улетит в трибуны* (Разговоры за игрой в карты (2009) – из коллекции НКРЯ).

(2) [№ 2, жен, 21, 1985, студент] *Да/ они съедают всю курицу/ бесконтрольно/ пользуясь тем/ что я не могу встать у плиты ии/ это самое/ и оставляют какой-то плевочек* (Домашние разговоры (2006) – из коллекции НКРЯ).

(3) [Юлия, жен, 45, 1962, художник] *Я/ значит/ понеслась обратно/ ну/ поменять градусник или там/ что там... сдать его. <...> Неправильно просто/ надо было не горизонтально его/ а когда нажимаешь там кнопочку/ потом вертикально под мышку и держать/ плотно прижавши* (Домашний разговор (2007) – из коллекции НКРЯ).

Отметим, что в данных примерах деепричастные обороты оказываются встроены в полипредикативные структуры с несколькими полными предикатами, соответствующие сложным предложениям в письменной речи. В примере (1) одновременные процессы, связанные с перемещением камеры (*камера неслась/ обозревая зал*), совпадают по времени с впечатлением зрителей, что выражается использованием союза со значением времени *когда*. В ситуации (2) сопоставляются несколько фактов и одновременный им второстепенный процесс, представленный деепричастным оборотом (*пользуясь тем, что*) и объединяющий действия разных участников ситуации: (*они*) *съедают курицу, оставляют плевочек, (я) не могу встать у плиты*. В примере (3) употреблена разговорная форма деепричастия *прижавши* (имеющая общелитературное соответствие *прижав*), которая на фоне синтаксической неполноты (*надо было*

не горизонтально его [держать], ... потом вертикально под мышку [поставить]) характеризует высказывание как разговорное. Тем не менее и в данном случае сохраняются таксисные отношения, выраженные эксплицитно союзом *когда* и наречием *потом*, а также формой деепричастия совершенного вида в результативном значении. Число предикативных единиц (3, 4 и 5 в указанных примерах соответственно), связанных между собой при помощи таксиса, позволяет квалифицировать данные устно-разговорные высказывания как отражающие действительность в виде структуры отношений.

Отношения разновременности: предшествования (4) или следования (5), оформляемые деепричастиями, образованными от глаголов совершенного вида, также встречаются в устно-разговорной речи. Отметим, что отношение следования в наших контекстах встретилось всего один раз.

(4) [И43, муж, 60, 1949, преподаватель] *а я вчера/ подошёл к Жанне/ полностью закончив день/ и говорю/ вот Жанна/ с одним/ простился* (Разговор за ужином с женой (2009) // Мультимедийный корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» – А.С. Асиновский, Н.В. Богданова, С.Б. Степанова, Т.Ю. Шерстинова, И.В. Королева и др.).

(5) [И11, жен, 28, 1979, преподаватель] *а если женщины будут сейчас уходить/ своё драгоценное время **поптрая** на() этих (э-э) мужчин/ а могли бы в это время заработать там что-нибудь//* (Разговор дома за ужином (2007) // Мультимедийный корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» – А.С. Асиновский, Н.В. Богданова, С.Б. Степанова, Т.Ю. Шерстинова, И.В. Королева и др.).

В приведенных фрагментах также находим примеры структур, соответствующих сложным и осложненным предложениям в книжно-письменной речи: сочинительная и подчинительная связь в (4) и (5) соответственно, прямая речь в (4).

Одиночные деепричастные формы в устно-разговорной речи широко представлены в качестве модалитов (*учитывая, смотря* и др.), а также в виде образованных от деепричастий предлогов (*начиная с, кончая*), наречий (*лежа, стоя*). Тем не менее одиночные деепричастия способны выражать таксисные значения, как в примере (6).

(6) [Валентина Николаевна Б., жен., врач] *Вот он приходит/ и я **извиняясь**/ оставляю всех за столом – иду* (Рассказ женщины об истории своей семьи (2014) – Из коллекции Казахстанского филиала МГУ).

В приведенной ситуации форма *извиняясь* встраивается в ряд других глагольных форм несовершенного вида: *приходит, оставляю, иду*, но в совокупности они обозначают не одновременные процессы, а следующие друг за другом ситуации, которые могли бы быть обозначены глаголами совершенного вида в прошедшем времени: *(он) пришёл, (я) извинилась, оставила, пошла*. Выбор деепричастной, а не личной глагольной формы здесь может быть продиктован как стилистическими предпочтениями автора (желание избежать повторения морфологической формы глагола настоящего времени), так и намеренным ранжированием информации внутри высказывания, при котором действие, выраженное деепричастием, отходит на второй план. Данные процессы характерны в первую очередь для книжно-письменной речи – в условиях, когда есть время для обдумывания и редактирования текста. Повидимому, появление такой структуры в устно-разговорной речи возможно объяснить её заимствованием из книжно-письменной речи, с которой автор знаком (в данном случае – произведения автобиографического дискурса).

Так, деепричастные конструкции в устно-разговорной речи оформляют различные таксисные отношения и способны встраиваться в другие сложные синтаксические структуры, аналогичные синтаксическим комплексам в книжно-письменной речи.

Деепричастные конструкции в устно-разговорной речи как результат интердискурсивного влияния

Используя конструкции с деепричастиями и обращаясь к специальной тематике, говорящий может вызывать в памяти и цитировать тексты определенных дискурсов, которые воспринимаются и оцениваются собеседником в контексте конкретной речевой ситуации.

В фрагменте (7) представлен автобиографический дискурс, предваряемый указанием на жанр в словах самого говорящего (*вся моя биография*).

(7) [Михаил Фёдорович М., муж, пенсионер] *Ну вам интересно/ конечно/ вся моя биография/ может/ интересно/ как мы мины тралили/ как мы вытраливали мины/ как они нас пугали. [Зарина, жен, студентка] Угу. [Михаил Фёдорович М., муж, пенсионер] **Качаясь** н-на лебёдках. Мы зацепляли их. <...> Ну/ рассказать. Расскажешь/ так-то есть чего рассказать. Ну уже щас стал спотыкаться в разговоре. Ну представляешь/ назно/ что я повидал вот это/ даже **пройдя** эти... побережье Чёрного моря* (Воспоминания о службе на флоте (2014) – из коллекции Казахстанского филиала МГУ).

В своей речи говорящий использует деепричастные обороты со значением образа действия (*качаясь на лебедках*) и времени (*пройдя побережье Чёрного моря*). Здесь также проявляется внимание рассказчика к собственной речи: замена фрагмента с инверсией, характерной для разговорной речи (*как мы мины тралили*), на прямую последовательность с дополнением после сказуемого, выраженного более сложной по морфологической структуре формой глагола-профессионализма *вытраливать* (*вытраливали мины*), обращение к форме собственного высказывания (*стал спотыкаться в разговоре*). Данные речевые факты характеризуют говорящего как авторитетный источник знания, транслируемого им представителям младшего поколения. Так как наиболее привычными жанрами для такого вида речевого общения являются письменные тексты или озвученная письменная речь («дневники, мемуары, воспоминания, родословные, письма, анкеты, интервью, резюме, исповеди, жития и др.» [19, с. 269]), естественной становится и ориентированность говорящего на книжные средства выражения мысли. В то же время сохраняется и интимность обстановки общения – так, рассказчик обращается к собеседнице на «ты» и далее в разговоре употребляет по отношению к ней слово *внученька*. В данном фрагменте сохраняется основная коммуникативная стратегия автобиографического дискурса – самопрезентация, а также основные составляющие автобиографической концептосферы – «жизнь и память» [19, с. 270], так как рассказчик выбирает для повествования эпизод своего участия в Великой Отечественной войне, значимый не только для его собственной жизни, но и в контексте истории целой страны. Таксистские отношения, выражаемые деепричастиями, структурируют внутреннюю пространственно-временную организацию, характеризующую автобиографический дискурс в целом.

Согласно когнитивно-коммуникативному направлению в лингвистике, язык является средством репрезентации различных представлений, различных типов информации. При этом «масса информации приходит к нам через учебники и руководства, через книги и лекции, через знакомство со специальной литературой, научными публикациями, газетами и журналами» [20, с. 44], на современном этапе отмечается влияние СМИ на культуру повседневности, воплощенную в обыденном сознании носителя языка [21]. Так, средством передачи данной информации в обиходной, устно-разговорной речи становятся те языковые формы, в которых они были восприняты говорящим изначально, то есть книжно-письменные структуры. Данное

явление соответствует концепции О.Г. Ревзиной о дискурсивных формациях, выражающих определенные виды знания, например, историческое в примере (7), медицинское и административное в примере (8), при помощи типичных языковых средств, закрепленных за соответствующими дискурсами [22].

Примеры появления в обиходном общении иных дискурсов находятся в русле концепции «многоголосицы» современной русской речи, в частности разговорной русской речи (см. [23]). Данная концепция предполагает существование национального языка в виде динамичной системы речевых ролей в сознании индивидуальных носителей данного языка. При этом, владея средствами, необходимыми для осуществления функций каждой из данных ролей, носитель языка, по-видимому, способен их комбинировать в рамках своей речевой деятельности; ср. роль знакомого и носителя исторического знания в примере (7), роли врача-специалиста и члена семьи в примере (8).

Деепричастные конструкции как показатель уровня речевой компетенции говорящего

В трудах, посвященных исследованию языковых явлений на материале звукового корпуса русского языка, было разработано понятие «уровень речевой компетенции», определяемое как «степень свободы говорящего в выборе речевых средств, уровень его владения языковыми возможностями, его способность решать те или иные коммуникативные задачи» и коррелирующий с такими социальными характеристиками говорящего, как высшее образование и профессиональное отношение к речи [24, с. 77].

(8) [Тётя, жен., врач] *Да и планы можешь выполнить только/ или пересиживая время на тридцать процентов...* [Племянница, жен, студент] *нрзб какой/ а!* [Тётя, жен, врач] *Или фальсифицируя медицинскую документацию.* [Племянница, жен, студент] *Ещё вот пересиживать – идиотов не бывает... Пересиживать...* [Тётя, жен, врач] *Вот/ а это/ ну как бы/ наши права/ они ущемляются тем самым...* (Жалоба о работе (2014) – из коллекции Нижегородского филиала НИУ ВШЭ).

В фрагменте (8) разговор тёти и племянницы оформлен языковыми средствами, противоположными по стилистической окраске и сложности структуры. Речь тети как представительницы старшего поколения, описывающей проблему, с которой она столкнулась в своей профессиональной деятельности, содержит терминологию (*медицинская документация*) и деепри-

частные обороты. В то же время племянница воспринимает жалобу тети эмоционально, употребляя в речи стилистически сниженные лексические единицы наряду с разговорными синтаксическими конструкциями. Контраст между данными способами оформления речи наиболее четко виден в том, как племянница перестраивает структуру сообщения, для оформления которого собеседница до этого использовала деепричастный оборот (*пересиживая время на тридцать процентов*), при помощи личной формы в неполном высказывании (*Ещё вот пересиживать*). Данное языковое различие подчеркивает разницу в отношении к внеязыковой ситуации со стороны говорящих: рациональное, профессиональное, с одной стороны, и эмоциональное, бытовое, с другой.

Сочетание разговорных и книжных элементов может наблюдаться также в речи одного и того же говорящего, как в примере (9).

(9) [Надежда Михайловна К., жен, пенсионерка] *А я попёрлась в холодильник/ не зная территории/ ц/ у меня минус четыре/ очки/ и на мне ещё очки. И вот при падении вот так вперёд я даже руками не взмахнула/ не успела я/ ничего не видела/ что я повалюсь/ я не видела просто/ хотя я... я просто обращала внимание на холодильник/ а то/ что бордюр слева/ не видела* (Беседа об истории семьи (2014) – из коллекции Казахского филиала МГУ).

В указанном фрагменте деепричастный оборот *не зная территории* со значением условия, редкий для разговорной речи, употреблен наряду с другими книжными конструкциями: номинализацией *при падении*, аналитическим наименованием действия *обращала внимание* (в значении ‘чувствовала’). В то же время в высказывании выявляется множество разговорных средств: лексемы (*холоднок, попёрлась, повалюсь*), отсутствие грамматических связей между зависимыми элементами (*у меня минус четыре/ очки*), которое впоследствии восполняется самим говорящим в процессе саморедактирования (*и на мне ещё очки*).

В данных случаях возможно говорить о доле речевого автоматизма, то есть, по определению Л.П. Якубинского, о «речи, протекающей в порядке простого волевого действия с привычными элементами; действительно, здесь речевые факты не входят в сознание, не подлежат вниманию — ни в момент, предшествующий началу деятельности (так как нет отбора и борьбы мотивов), ни во время самой деятельности (так как они привычны)» [25, с. 52]. Автоматизированное употребление книжно-письменных конструкций в устно-разговорной речи может свидетельствовать о том, что говорящий настолько

свободно владеет средствами книжно-письменной речи, что может без вынужденной паузы или подбора выражений употребить их в речи. В то же время стремление сделать устно-разговорную конструкцию более грамматически-оформленной, как в книжно-письменной речи (см. примеры (7), (9)), может свидетельствовать о некоем эталонном представлении говорящего, диктующем ему, как должна строиться его речь.

Заключение

Современная устно-разговорная речь представляет собой пространство интердискурсивного взаимодействия собственно устно-разговорных и книжно-письменных структур. К последним, в частности, относятся конструкции с деепричастиями, способные оформлять таксис устно-разговорного высказывания аналогично книжно-письменной речи. Кроме того, деепричастные конструкции в устно-разговорной речи способны выражать дополнительные оттенки значений – значения обусловленности, вопреки мнению о нехарактерности данных типов значений для указанной группы грамматических явлений в данном типе дискурса.

Следует отметить также, что большинство фрагментов, в которых было выявлено употребление деепричастий и деепричастных оборотов, приближено к монологической форме речи, рассказу, даже если в целом устный текст озаглавлен в Национальном корпусе как «Разговор» или «Беседа» (см. примеры 1–5, 9). Данная особенность пересекается с результатами исследования спонтанной устной речи на уровне лексики: «во время монолога люди больше используют книжную лексику, в их речи реже появляются слова-“паразиты” и фразеологизмы» [26, с. 182]. Монологические фрагменты в устно-разговорной речи зачастую содержат «корпус нарратива» (повествование), который «легко преобразуется в монологический текст, характеризующийся категориями связности, цельности, отдельности и завершенности, определенностью хронотопа» [27, с. 197], что в целом приближает такие фрагменты к книжно-письменной речи.

Использование деепричастных конструкций в условиях обиходного общения может быть свидетельством высокого уровня речевой компетенции говорящего, а также его близости к книжной культуре (образовательной, профессиональной и др.). Использование языковых средств, свойственных книжно-письменным дискурсам, связано также с широким диапазоном тем в повседневном общении современных носителей рус-

ского языка, оперирующих различными типами знаний и дискурсивных формаций, в том числе и принадлежащими к книжной речи.

Список литературы

1. Плу́нган В.А. Предисловие: Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Ред. В.А. Плу́нган (отв. ред.), В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2008. С. 7–34.
2. Рогова К.А. На пути к новой академической грамматике // МИРС. 2018. № 2. С. 5–12.
3. Макерова С.Р. Грамматика текста грамматика дискурса // ИСОМ. 2013. № 6. С. 184–188.
4. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. СПб.: Комплект, 1997. 383 с.
5. Данилевская Н.В., Трошева Т.Б. Стилистические ресурсы синтаксиса (синтаксическая стилистика) // Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 474–482.
6. Кибрик А.А. Финитность и дискурсивная функция клаузы // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Ред. В.А. Плу́нган (отв. ред.), В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2008. С. 131–166.
7. Введенская Л.Г., Павлова Е.Ю., Катаева Л.А. Русский язык и культура речи: Учебное пособие для вузов. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 544 с.
8. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи: Учебное пособие. М: Логос. 2010. 432 с.
9. Штрекер Н.Ю. Русский язык и культура речи: Учебное пособие для студентов вузов М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 351 с.
10. Рожкова А.Ю. Деепричастия в спонтанной речи как маркеры уровня речевой компетенции говорящего // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2011. № 2. С. 179–185.
11. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 234–243.
12. Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций) // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 257–274.
13. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. К вопросу о вводно-модальном употреблении русских деепричастий // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 19. С. 149–157.
14. Ковальская В.М. Параметры словообразовательной конверсии и русские деепричастия // Rhema. Рема. 2016. № 4. С. 43–57.
15. Дусматова Ш.В. Выражение условных отношений в предложениях с деепричастными конструкциями // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2018. №2 (55). С. 144–151.
16. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова, 2004. 544 с.
17. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2003. 396 с.
18. Лаптева О.А. Типология вариативных синтаксических рядов в аспекте функционирования литературного языка // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 91–102.
19. Волошина С.В. Автобиографический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник ИГЛУ. 2014. № 2 (27). С. 267–273.
20. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
21. Луков М.В. Обыденная культура и культура повседневности // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 199–203.
22. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. 2005. № 8. С. 66–78.
23. Гаспаров Б.М. Язык – разноречное единство: плюрализм речевого поведения как основа коммуникативного взаимодействия говорящих // Русский язык в многокультурном социокультурном пространстве / Отв. ред. Б.М. Гаспаров, Н.А. Купина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 14–41.
24. Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Шерстинова Т.Ю., Мартыненко Г.Я., Зайдес К.Д., Попова Т.И. Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2019. № 18. С. 72–85.
25. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избр. работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. 205 с.
26. Хитина М.В. Исследование идентификационных признаков лексического уровня в монологах, диалогах, полилогах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №6 (797). С. 175–184.
27. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 320 с.

FUNCTIONING OF GERUNDIAL CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH

A.A. Zagorodniuk

The article analyses functioning of gerundial constructions in Russian colloquial speech with the data from National Corpus of Russian. The taxis organization of colloquial Russian by gerunds and gerundial constructions is examined. Based on the analysis of gerundial constructions with conditionality meaning the conclusion is drawn about the influence of written Russian discourses on colloquial Russian. The connection between the usage of gerundial constructions and monologic form of spoken language is observed. Automaticity in the usage of gerundial constructions in the colloquial Russian is conceived as a marker of a speaker's high level of communicative proficiency.

Keywords: gerundial constructions, gerunds, taxis, colloquial Russian, written discourse, interdiscursivity

References

1. Plungyan V.A. Preface: Discourse and grammar // Research on the theory of grammar. Issue 4: Grammatical categories in discourse / Ed. V.A. Plungyan, V.Yu. Gusev, A.Yu. Urmanchieva. M.: Gnosis, 2008. P. 7–34.
2. Rogova K.A. On the way to a new academic grammar // MIRS. 2018. № 2. P. 5–12.
3. Makerova S.R. Grammar of the text grammar of discourse // ISOM. 2013. № 6. P. 184–188.
4. Rosenthal D.E. Handbook of Spelling and Stylistics. St. Petersburg: Kit, 1997. 383 p.
5. Danilevskaya N.V., Trosheva T.B. Stylistic resources of syntax (syntactic stylistics) // Stylistic encyclopedic dictionary / Ed. by M.N. Kozhina. M.: Flint; Nauka, 2006. P. 474–482.
6. Kibrik A.A. Finiteness and discursive function of the clause // Research on the theory of grammar. Vol. 4: Grammatical categories in discourse, Ed. V.A. Plungyan, V.Y. Gusev, A.Yu. Urmancheeva. M.: Gnosis, 2008. P. 131–166.
7. Vvedenskaya L.G., Pavlova, E.Y., Kataeva L.A. Russian language and culture of speech: a textbook for universities. Rostov-on-don: Phoenix, 2005. 544 p.
8. Golub I.B. Russian language and culture of speech: A textbook. M.: Logos. 2010. 432 p.
9. Shtreker N.Yu. Russian language and speech culture: a textbook for university students M.: UNITY-DANA, 2011. 351 p.
10. Rozhkova A.Yu. Adverbial participles in spontaneous speech as markers of the speaker's speech competence level // Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature. 2011. № 2. P. 179–185.
11. Bondarko A.V. General characteristics of the semantics and structure of the taxis field // Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis / Ed. A.V. Bondarko. L.: Science, 1987. P. 234–243.
12. Akimova T.G., Kozintseva N.A. Dependent taxis (based on the material of adverbial constructions) // Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis / Ed. A.V. Bondarko. L.: Science, 1987. P. 257–274.
13. Shigurov V.V., Shigurova T.A. On the question of the introductory modal use of Russian deep-concepts // Fundamental and applied research: problems and results. 2015. № 19. P. 149–157.
14. Kovalskaya V.M. Parameters of word-formation conversion and Russian adverbs // Rhema. Rema. 2016. № 4. P. 43–57.
15. Dusmatova Sh.V. Expression of conditional relations in sentences with adverbial constructions // Scientific notes of the Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Humanities. 2018. № 2 (55). P. 144–151.
16. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Communicative grammar of the Russian language. M.: V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, 2004. 544 p.
17. Lapteva O.A. Russian colloquial syntactic system. 2nd ed., ster. M.: URSS, 2003. 396 p.
18. Lapteva O.A. Typology of variable syntactic series in the aspect of literary language functioning // Questions of linguistics. 1984. № 2. P. 91–102.
19. Voloshina S.V. Autobiographical discourse as an object of linguistic analysis // Bulletin of IGLU. 2014. № 2 (27). P. 267–273.
20. Kubryakova E.S. Language and knowledge: On the way of acquiring knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 560 p.
21. Lukov M.V. Everyday culture and culture of everyday life // Knowledge. Understanding. Ability. 2005. № 3. P. 199–203.
22. Revzina O.G. Discourse and discursive formations // Criticism and semiotics. 2005. № 8. P. 66–78.
23. Gasparov B.M. Language – a multi-language unity: pluralism of speech behavior as the basis of communicative interaction of speakers // Russian language in a multi-language socio-cultural space / Ed. by B.M. Gasparov, N.A. Kupina. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2014. P. 14–41.
24. Bogdanova-Beglaryan N.V., Blinova O.V., Sherstinova T.Yu., Martynenko G.Ya., Zaides K.D., Popova T.I. Annotation of pragmatic markers in the Russian speech corpus: problems, searches, solutions, results // Computational linguistics and intellectual technologies. 2019. № 18. P. 72–85.
25. Yakubinsky L.P. On dialogic speech // Selected works. Language and its functioning. M.: Science, 1986. 205 p.
26. Hitina M.V. Research of identification signs of the lexical level in monologues, dialogues, polylogues // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2018. № 6 (797). P. 175–184.
27. Borisova I.N. Russian conversational dialogue: Structure and dynamics. 3rd ed. M.: LIBROCOM, 2009. 320 p.